

Выпускник Императорской балетной школы, танцовщик и хореограф дягилевского «Русского балета», создатель американской балетной труппы «Нью-Йорк Сити Балле» (получивший в рациональной Америке

Мистер Би удлинняет руки

имя Мистер Би), гурман и тонкий ценитель женщин, сын грузинского композитора Мелитона Баланчивадзе, Джордж Баланчин отметил бы в этом году свое столетие.

За хореографа, признанного самым главным в XX веке, это делают американский фонд его имени, ученики и поклонники всего мира. Большой театр внес свою лепту восстановлением в репертуаре «Агона» Стравинского и Симфонии до-мажор Бизе, к которым добавили баховское «Концерто барокко», па-де-де из «Лебединого озера» Чайковского, па-де-де из балета «Сильвия» Делиба и Тарантеллу Готшалка.

Столетие хореографа Джорджа Баланчина Большой театр отметил восстановлением его балетов

...Создатель чистого, ясного танца предпочитал на отдыхе американские вестерны, а его любимым танцовщиком был звезда музыкальных комедий Фред Астер. Своим подопечным Баланчин говорил: «Девочки, мальчики, большие джаза!» — и те давали джаз: драйвом, пластическими интонациями, оставаясь верными главным заповедям баланчинской школы — элегантности, стилю, технике.

Джон Клиффорд, в прошлом ученик, а теперь преподаватель баланчинской хореографии и сотрудник Фонда Баланчина, охраняющего па всех 147 балетов хореографа, заразил своим энтузиазмом танцовщиков Большого, и те нагору отрепетировали сложнейшую танцевальную партитуру «Агона», вмещающую в себя движений больше, чем вся «Спящая красавица».

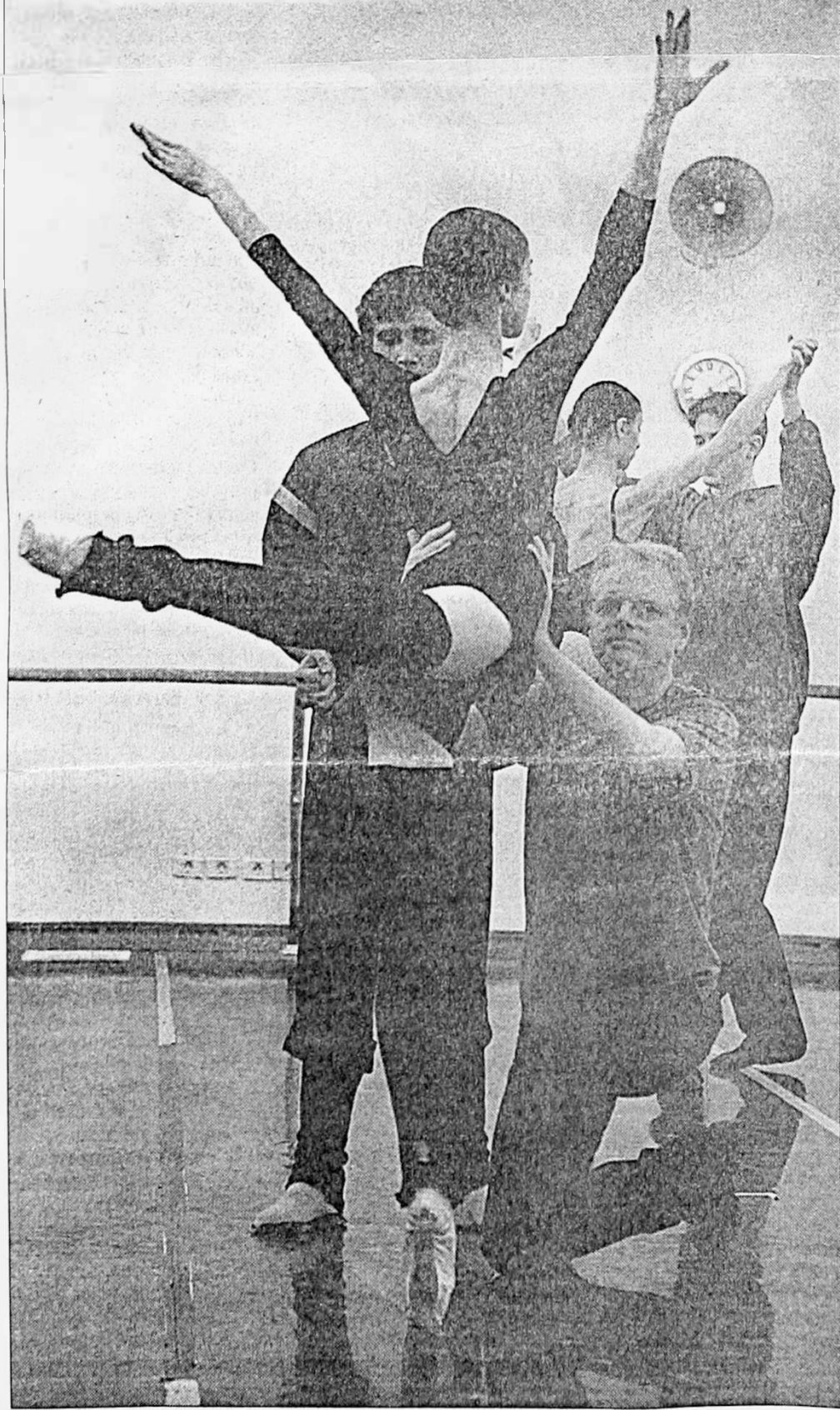
Стретчевая техника Баланчина, удлиняющая мышцы, и танец «на преодоление» преобразили молодежь Большого: целый ряд танцовщиков Клиффорд назвал вполне баланчинскими. Это Нина Капцова, Анастасия Яценко, Екатерина Шипулина, Ян Годовский, Геннадий Янин, Руслан Скворцов. У многих руки действительно стали как будто длиннее и выразительнее, а ноги — прямее и скульптурнее.

Самоотречение, лаконизм и безостановочный счет про себя были самым трудным: парадокс баланчинских балетов — в их сопутствующих друг другу музыкальности и подаче музыки не «под ногу». Но Большой справился. Сложнее оказалось с драйвом: танцовщики Большого боялись пока выдать «драйв», который можно наблюдать в записях балетов с участием Сьюзен Фаррел или Михаила Барышникова. Господин Клиффорд, видимо, немного переусердствовал в напоминаниях о том, как хорошо фонд запатентовал все движения.

В результате танцовщики робели больше, чем этого требовал выразительный лаконизм фигур в белых пачках в торжественно изящной Симфонии до-мажор и в черных купальниках в дискретно-тревожном додекафоническом «Агоне».

Призыв Баланчина: «Bon visage, bon courage» — звучавший в ту минуту, когда из-под танцовщика неожиданно выдергивался ковер, чтобы он был всегда свеж, оказался балетной труппой Большого пока не усвоен. Но если балеты Баланчина не снимут с репертуара Большого, как это уже было несколько лет назад, труппа под руководством Алексея Ратманского, начав с баланчинской классики модерна, без труда доберется до незаслуженно бывших ненужными — как и Баланчин когда-то — Канингема, Форсайта, Саши Вальц. И Большой перестанет отставать от Мариинского в гонке освоения современной танцевальной литературы, без которой классические балеты порой — как дорогой бриллиант без оправы.

Преподаватель баланчинской хореографии Джон Клиффорд дает балеринам Большого театра руки-крылья

Дамир ЮСУПОВ / Большой театр